

ОТЗЫВ

на книгу протоиерея Константина Буфеева
«Православное учение о Сотворении и теория эволюции» (2014)

Объемная (438 с) апологетическая монография о. Константина (Буфеева), посвященная православному пониманию вопроса о Сотворении и критике эволюционных представлений, является на настоящий момент венцом соответствующих исследований автора, начатых многие годы назад. Нам известны устные доклады и опубликованные труды о. Константина по критике эволюционной теории минимум от начала 2000 гг.; уже тогда эти труды отличались четкостью и взвешенностью выводов, а также неуклонным следованием Св. Писанию и Св. Преданию.

По нашему мнению, книга о. Константина лежит строго в рамках направления «богословский креационизм», хотя последний термин автором и не приветствуется, в связи со слишком буквальным и механистическим пониманием данного направления протестантскими исследователями.

Мы разделяем мнение, что существуют два основных направления креационизма (который в общем смысле можно определить как дисциплину, изучающую причины возникновения вселенной и всего сущего в ней).

Первое направление, так называемый «научный креационизм», является внерелигиозной дисциплиной, которая на основе выработанных человечеством научных постулатов и критериев, а также доказанных научных фактов, пытается дать объективный ответ на вопрос о вероятности самопроизвольного появления, а затем — прогрессивного развития жизни и разума. Исследования проводятся, исходя из выявленных законов природы и главных научных принципов (униформизм, актуализм и универсализм состава вселенной и законов природы). Иными словами, научный креационизм является идеологически и религиозно нейтральной дисциплиной, и к выводу о сотворении всего сущего может приходиться только как альтернативе невозможности эволюционного развития. В сущности — это синоним научного течения «Разумный замысел».

Если, исходя из научных принципов и доказанных фактов, абиогенез и эволюция оказываются невозможными в нашей вселенной и при имеющихся законах природы, то альтернативой будет только Разумный замысел (третья же философская позиция — агностицизм, ненаучна). Хотя, конечно, наука о Разумном замысле не является просто механической альтернативой эволюционизму — в ее рамках проводятся также исследования сложности и конструктивности элементов вселенной и жизни, делающие невероятной их спонтанное возникновение. В этом смысле научный креационизм не просто «минус эволюционизм», а еще и «плюс доказательство конструкции разумом».

Теоретически научным креационизмом (проверкой верности/не верности Разумного замысла) могут заниматься не только верующие, но также и объективные исследователи-атеисты. Поскольку в основе лежат исключительно общечеловеческие научные критерии, постулаты, принципы и факты (никакой богословской базы). При этом допускается первоначальная неправота теории «Разумного замысла» («фальсифицируемость» по К. Попперу). Если бы абиогенез и эволюционные представления оказались научно доказанными, то положение о сотворении всего сущего стало бы научно несостоятельным в связи с критерием бритвы Оккама (к настоящему моменту, однако, становится все яснее обратная картина).

Второе направление креационизма, которое формально является внеконфессиональным, но религиозным, составляет богословский креационизм. В этом случае за основу берутся религиозные постулаты о Сотворении, исповедуемые конкретной конфессией. Затем, постоянно принимая их во внимание, осуществляются с помощью обычного научного аппарата исследования различных аспектов вопроса о появлении и развитии жизни/разума. К примеру, богословский креационизм ислама в наибольшей мере представляет популяризатор Г. Яхья. Богословский же креационизм протестантизма получил исходную разработку исследованиями Г. Морриса.

Все направления богословского креационизма объединяет исходный незыблемый постулат о наличии Творца всего сущего. Как подчеркивает в рассматриваемой монографии о. Константин, *«применительно к изучению естественных объектов наше вероучение исходит из постулируемого*

догматического утверждения о том, что «Бог есть». Исследования богословского креационизма должны укладываться, в первую очередь, в рамки данного постулата, а применительно к конкретике писания и предания данной конкретной конфессии — и к изложенным там канонам и положениям.

Ясно, что направления богословского креационизма — только для верующих, разделяющих по крайней мере исходный незыблемый постулат о Творце. «Обратить» с помощью богословского креационизма в плане доказанности Сотворения атеиста не получится; сначала он должен стать не-атеистом (для атеистов же, как сказано, применим научный креационизм, или — теория «Разумного замысла»; именно в ней доказательства базируются на априори нейтральных внерелигиозных научных постулатах).

Разумеется, для верующего богословский креационизм — высшая точка философских и научных свидетельств, формирующих истинную картину мироздания. Интерпретация научных данных и положений должна непротиворечиво вписываться в соответствующее религиозное понимание мира и в конфессиональные положения. К примеру, для протестантизма это будут положения исключительно из Библии, в то время как для православия — и из Св. Писания, и из Св. Предания. Имеются исключительные трудности как в правильном понимании вопросов о сути и деталях Сотворения, исходя из указанных источников, так и в самом знании этих источников, особенно Св. Предания. Неинформированность, замалчивание и субъективное толкование святых Отцов — вот главные причины, по которым эволюционизм уже столетиями принимается многими христианами как «научно доказанное» и «непротиворечиво вписывающееся в Писание и Предание» течение.

Фундаментальные труды о. Константина (Буфеева) посвящены исследованию именно этой проблемы; они направлены на устранение указанного пробела в православном мировоззрении относительно естественнонаучных вопросов. Автор, вместе с о. Дамаскином (Христенсенем) — последователем о. Серафима (Роуза), достойно развивает догматические и научные исследования последнего.

Можно полностью согласиться с базовым положением, представленным в рассматриваемом труде о. Константина: *«Все мысли, изложенные в ней [книге], находят полное подтверждение в церковном Предании. Ни одной мысли, не имеющей святоотеческого обоснования или противоречащей Слову Божьему, в книгу не включено. Так мы руководствовались при написании девизом: «Вперед, к святым Отцам!»*

И в этом плане труд о. Константина уникален, как и его предыдущие труды, в частности, публикации в сборниках Центра «Шестоднев», в которых были собраны сотни цитат из Св. Отцов о православном понимании вопросов Сотворения. Все работы о. Константина, а в особенности эта последняя (2014), являются, в том числе, энциклопедическим собранием мыслей и заключений святых подвижников на темы о возникновении и развитии жизни, о появлении человека и особенностях его Сотворения. Не говоря уже о правильном толковании этих вопросов в Св. Писании

Во вводной части труда («Определение понятий») автор кратко, но весьма полно и информативно рассматривает основные имеющиеся философские и научные течения, связанные с вопросами возникновения жизни и человека. Помимо сциентизма и эволюционизма, особое значение имеет, конечно, православная платформа для понимания естественнонаучных вопросов. Именно в этом подразделе кратко изложены все «кредо», которые автор кладет в основу дальнейшего материала книги. Далее рассматриваются вопросы об исторических причинах и сущности так называемого «христианского эволюционизма», противостояние которому в настоящее время столь же актуально в России, как и более столетия назад.

Приведены также сведения о западном креационизме прошлого и настоящего, причем автор объективно показывает и слабые, и сильные стороны данного течения. Безусловно, современные истоки научного креационизма и научной составляющей любого богословского креационизма или современного учения о Сотворении исходят именно из работ протестантов, и в

этом плане их вклад трудно переоценить. Но слишком буквалистское требование от Св. Писания «все объяснять до мелочей», а также сознательный недоучет Св. Предания, привели к тому, что протестантский креационизм в настоящее время имеет слишком много идеологически и научно слабых мест. Автор рассматриваемого труда справедливо отмечает, что самые основы протестантского креационизма являются истинными именно потому, что в них неосознанно учитывается весь пласт соответствующих положений Св. Отцов (перекочевавших, вероятно, в свое время в труды М. Лютера и т.д.). В то же время, согласно игумену Дамаскину, цитируемому о Константином, *«протестантские креационисты... будучи вне Церкви, ...не в состоянии вместить опыт святых Отцов»*.

Данное «Введение», являясь необходимым для дальнейшего правильного понимания материала, имеет, вероятно, и значительный самостоятельный интерес.

В первой части труда автор подробно рассматривает различные моменты учения о Сотворении мира в аспекте понимания их св. Отцами. Каждый раздел или глава представляют собой фундаментально интерпретированную и последовательно изложенную подборку цитат и мнений из Св. Писания и Св. Предания. Рассмотрено, вероятно, все, что можно представить по данному вопросу: и продолжительность дней Творения, и начало летоисчисления и возраст мира, и вопросы о конце мира и Воскресении, и антропный принцип, и положения об исходном Сотворении в Шестоднев, и рамки дальнейшей изменчивости фил живого мира. В последней главе первой части о. Константин приводит исторический очерк о развитии эволюционных ересей и правильной интерпретации их несостоятельности с позиции древнего и современного православия.

Во второй части автором рассмотрено учение о Сотворении человека, причем в очередной раз о. Константином затронуты важнейшие вопросы об искуплении Иисусом Христом грехов Адама, а также связь первозданного Адама со вторым Адамом — Иисусом Христом. И если второй момент может, формально, выходить за рамки темы о Сотворении жизни и человека, то первый постулат весьма важен в плане исповедования эволюционной или православной картины мира (кого искупил Христос — конкретного Адама, или некую цепочку обезьяно-человеков, а затем — человеко-обезьян).

В «Заключении» автор кратко рассматривает изложенный материал в свете того, что практически все положения получили догматическое обоснование.

Именно это — полное и, вероятно, наиболее исчерпывающее на настоящий момент догматическое обоснование всех вопросов, связанных с Сотворением и строгими рамками последующего развития жизни, является главной ценностью труда. Данная монография — энциклопедия для православного читателя, позволяющая всегда иметь истинные богословские ответы на естественнонаучные и философские вопросы бытия. Представленный материал из Св. Предания не оставляет места столь некорректному воззрению в христианстве, как теологический эволюционизм.

В качестве замечаний можно отметить три момента.

Во-первых, на наш взгляд, в труде для широкого круга все же *все* цитаты на церковнославянском должны иметь параллельный перевод на современный язык.

Во-вторых, в главе 2 недостаточно четко понимается термин «вид», в связи с чем могут ввести в заблуждение слова о том, что *«Священное Писание указывает на невозможность трансформации одних видов в другие»* (с. 138). Виды в современном понимании все же в настоящее время возникают, причем не только для примитивных или мелких животных. И вполне можно представить себе трансформацию вида «лесная кошка (*Felis silvestris*)» в вид «домашняя кошка (*Felis catus*)» (или наоборот). И т.д. Однако подобные трансформации имеют место в узких и строгих рамках (из кошки лев не получится), а вовсе не в том широком диапазоне, как полагает эволюционная теория. В этом плане Св. Писание и Св. Предания отвечают истине, но вряд ли кто из Св. Отцов того времени определял «вид» в современном узком понятии. В протестантском креационизме принят термин «барамин», который ограничивает рамки скрещивания и

изменчивости исходно сотворенными филами. Барамин может включать и виды в современном понимании, и, в некоторых случаях, роды, а иногда, возможно, даже различные «официальные» семейства.

Мы не настаиваем, чтобы в таком труде рассматривались детали креационного понятия «барамин», но все же термин «вид» в естественнонаучном и богословском понимании следует интерпретировать несколько четче и шире.

В-третьих, сомнительно утверждение (с. 142), что «смешение генофондов, с точки зрения Закона Божьего, является грехом». Любые породы и гибриды, в том числе культурных растений, представляют собой результат именно «смешения генофондов». Мул и лошак — тоже. В данном плане генно-модифицированные организмы не являются чем-то из ряда вон, а слова о том, что, к примеру, «в сою ввели ген иного растения или вообще животного», следует понимать правильно. Один ген и кодируемый им белок не несет на себе полной печати индивидуума или вида, это просто элемент. Использование его в геноме модифицированных организмов ничуть не отличается от использования для шубы более длинной шерсти барана, поскольку она более эффективна. Наш мир после грехопадения, к тому же, подвержен постоянным интервенциям чужеродных геномов, хотя бы ретровирусов.

В плане генно-модифицированных организмов опасения полностью излишни: поставленные Господом барьеры «по роду их» («барамин») не позволяют никакого особого чрезвычайного прогресса ни при скрещиваниях, ни при генной инженерии. «Сверхмутантов» или «сверхгибридов» никогда не получится, как не бывает и гигантских крыс в недрах подземелий. Генная модификация дает только организм с некой дополнительной особенностью. Но этот организм априори слабее в целом, чем дикий тип, и может использоваться только в более узких рамках конкретной цели человека или же в более узких рамках окружающей среды. Господь сотворил жизнь так, что мы можем не бояться некоего чумно-стафилококкового гибрида, который уничтожил бы все человечество (стафилококки — общераспространены). У бактерий развит горизонтальный перенос генов между разными видами и родами, но даже у них не образуются подобные гибриды. Поэтому рассуждения об опасности генно-модифицированных вмешательств имеют смысл только в плане экологии (скажем, неожиданное появление слишком устойчивых сорняков, «подхвативших» некий ген из рукотворных геномов, но пока что такая опасность оказывается более теоретической). И, как уже сказано, генная модификация вряд ли является более «нехристианской», чем скрещивание, к примеру, лошадей с ослами.

Рассмотренные недочеты, разумеется, не снижают научно-богословскую ценность рассматриваемого исследования. Главный положительный вклад сделан в иных областях.

В связи с изложенным, данный фундаментальный труд из области православного учения о Сотворении (являющийся венцом длительных исследований автора), заслуживает высокую оценку. Вкупе с трудами о. Серафима (Роуза) книги о. Константина (Буфеева) должны занимать лидирующее место в образовании православного читателя применительно к правильной интерпретации естественнонаучных проблем мироздания.

Лунный А.Н.

Ответ протоиерея Константина Буфеева на замечания, содержащиеся в Отзыве Лунного А.Н.

1. Автор Отзыва считает, что: «все цитаты на церковнославянском должны иметь параллельный перевод на современный язык».

По нашему мнению это предложение не вполне оправдано, поскольку славянский текст более адекватно передаёт смысл Священного Писания. К русскому синодальному переводу мы

прибегаем лишь в тех случаях, когда славянский текст действительно вызывает проблему понимания для русскоязычного читателя.

2. По нашему мнению термин «барамин» в научном отношении чрезвычайно удачен и удобен. Мы не применяем его в книге, пользуясь более привычными словами «вид» и «род» по единственной причине: отсутствие общепринятого употребления этого термина среди учёных и среди большинства православных людей. Пользуясь случаем, отметим, что неологизм «неокреационизм» следует изъять из обихода, а полезный термин «барамин» вводить в привычный научно-богословский обиход.

3. В отношении замечания о том, что «смешение генофондов, с точки зрения Закона Божьего, является грехом» готов предоставить судить каждому лично. Правда рецензента, к сожалению, заключается в том, что все мы без исключения являемся пассивными участниками этого греха.

С благодарностью за предоставленный Отзыв, протоиерей Константин Буфеев